

МЕТОДОЛОГИЯ

М.А. ЧЕШКОВ

**Новая версия специальной
(частной) теории развития**

Объект специальной теории развития¹ – так называемый развивающийся мир, то есть (в разные эпохи) "Третий мир" или Юг – выбран не случайно. В статье, опубликованной в предыдущем номере журнала, показано, что именно в процессе освоения новых для общей теории развития реалий этого региона данная теория утратила свой универсальный статус, а кое-кто счел, что утрачена и сама идея развития. Сможет ли моя версия общей теории развития преодолеть это отрицание? Ответ на этот вопрос предполагает наличие концепции, характеризующей развивающийся мир как целое. В рамках *development studies* такой обобщающей концепции, к сожалению, не выработано, несмотря на стремление действовать в этом направлении. Поэтому для понимания феномена развивающегося мира как особого и целостного объекта, которому свойствен – и это здесь главное – особый тип (или способ) развития, я опираюсь на концепцию общности развивающихся стран (далее сокращенно – ОРС), соединяя ее с постулатами моей версии общей теории развития [Чешков, 2000].

Дуальность развивающегося мира и ее преодоление

Развивающиеся страны как мирообразование, которое приобретает историческую динамику в условиях, навязанных извне, понимаются мной как особая единица мировой современной истории (World Modern History), появившаяся в XVII–XX вв. и *выполнявшая роль объекта* в структуре истории, ставшей всемирной (К. Маркс). Эта роль закреплялась структурными особенностями социума этих незападных стран (оставим в стороне постсоциалистический мир Запада), которые достаточно четко зафиксированы теорией развития (конгломеративность, аморфность, периферийность). Данное мирообразование конституировано ролью, заданной мировой историей и структурными коррелятами этой роли, столкновением противоположных по направленности тенденций, которые продуцировались как исторической традицией, так и противоречиями современной мировой истории. В итоге ОРС сложилась как *дуалистическое целое*,

¹ По аналогии с общей и частной теорией относительности. В свою очередь этот вариант теории развития выглядит более общим сравнительно с целым рядом теорий зависимого, периферийного, догоняющего развития. Если стремиться к более точной терминологии, то определение "частная" характеризует гносеологические параметры теории, а термин "специальная" – ее онтологическое измерение.

определяемое столкновением тенденций к объектности и субъектности, конгломеративности и системности, аморфности и структуризации, периферийности и автономности². Говоря коротко, эта общность обладала дуалистическим генотипом, что и определяло ее способ развития, когда новые свойства не вытесняли старые, но добавлялись к ним (ср. кольца роста деревьев), воспроизводя – при всех изменениях – один и тот же генотипический дуализм. К концу XX в., пройдя ряд исторических фаз, концепция ОРС оказалась в ситуации *декомпозиции* этого дуального генотипа.

Применительно к этим незападным странам развитие видится как потребность и способность данного образования преодолеть и свою исторически заданную "объектную" роль, и структурные корреляты этой роли, и тем самым обрести историко-культурную субъектность на самых разных уровнях своего бытия (от региона до индивида). Обретение субъектности этим мирообразованием и есть содержание, смысл его развития, заданный (это надо подчеркнуть) природой ОРС. Различие развития как явления и природы развивающихся стран надо иметь в виду, чтобы не растворить первое во втором и не утратить предмета частной (специальной) теории развития.

Идея развития в своей общей форме применима к данному мирообразованию как специфическому субъекту³, если искать причины, порождающие в нем потребность и способность преодолевать консервативные и разрушительные аспекты своего бытия и сознания, творить их новые формы. Соединение общей теории развития (особенно идеи субъекта развития) с определенным представлением о развивающемся мире как о некоем целом оказывается полезным не только для анализа поиска этим миром своей идентичности, но и для обогащения теории развития философским и методологическим знанием, что невозможно в рамках эмпирических генерализаций. Более того: поскольку развитие как целеполагающая деятельность субъекта ОРС тесно связано со структурными параметрами данной общности, то открывается возможность перевести эти – выраженные здесь достаточно абстрактно – измерения ОРС (по крайней мере, некоторых из них: конгломеративность, периферийность) на операциональный уровень. Впрочем, даже культурно-историческую субъектность развивающихся обществ можно выразить через показатели операционального порядка, в том числе количественные, как, например, показатели уровня, масштаба и характера образования. При этом нельзя упускать из виду тот факт, что показатели подобного рода могут иметь разный смысл, даже противоположный, выражая как действительную культурную идентичность, так и ее формальное бытие (феномены "образованщины" и имитации).

При таком "переводе" важно решить по меньшей мере две проблемы теоретического порядка. Одна из них здесь может быть только поставлена: имеет ли ОРС свой "архетип" или, по-другому: как ОРС соотносится с архетипом доколониального традиционного Востока, как их можно связать и(или) разделить⁴. Другую проблему необходимо разрешить сейчас: вправе ли мы утверждать, как это полагается в концепции ОРС, что данная общность может быть понята как единичный субъект со своей "собственной" культурно-исторической идентичностью и специфическим способом познания, так называемым *третьемирским дискурсом*? Я исхожу из утвердительного ответа на этот вопрос, не считая, что множественность цивилизаций и культур в развивающемся мире исключает единичность идентичности/дискурса этого "мира" [Развивающиеся... 2001].

² Это описание и есть, на мой взгляд, идеализация без типологизации, то есть с включением в модель противоположных качеств, которые в идеальном типе соотносились бы как "норма" и отклонение от нормы. Полнота идеального описания и отличает его от обычных в теории развития идеал-типических моделей (традиционность – современность, центр – периферийность), в которых только одно "начало" выступает как нормативное, где "целое" или сведено к этой норме, или, как максимум, к обоим составляющим по отдельности.

³ Развернутая попытка ввести понятие субъекта в изучение Востока и так называемого "Третьего мира" предпринята нами в [На скрещении... 1996] поразительно совпала с актуализацией этой тематики в отечественной философской литературе [Человек... 2002].

⁴ Эта проблема стала осью дискуссии на тему: "Геном Востока" (апрель 2004 г., идея А. Петрова).

Остается при этом неясность в понимании того, что есть эта единичная идентичность: некая особая субстратность (предметность) или методологический принцип, на котором строится представление о множестве разных идентичностей? Перевод подобной теории (ОРС и ее дуалистического генотипа) на прикладной уровень невозможно осуществить прямо, непосредственно, и роль необходимого в процедуре перевода опосредующего звена выполняют различные теоретические конструкты, говоря условно, "девелопменталистики" со статусом эмпирических генерализаций.

Если эти соображения верны, то я подхожу, учитывая резонансы с общей теорией, к решению вопроса о возможности разработки понятия "развитие" в виде единой конструкции, построенной на двух смычках: общей и специальной теории; теории и прикладных исследований. Тем самым движение специальной теории развития в направлении к большой теории реализуется не на прикладном уровне познания (где оно в принципе невозможно), не благодаря усилиям познания, идущего от конкретного к абстрактному, снизу вверх (как часто практикуется в этой области исследований), а на пути движения от абстрактного к конкретному, сверху – вниз (в рамках общетеоретической конструкции).

Декомпозиция дуалистического генотипа ОРС в конце XX века означала не только перекомпоновку "генов", но нечто большее – слом генотипа, что продемонстрировало *историческую исчерпанность* данной общности. Исходя из описания типов и форм развития в общей теории и представления о сломе генотипа ОРС, можно представить следующие основные направления эволюции того, что условно можно обозначить как *постОРС*. Декомпозиция и слом открывают путь в трех таких направлениях – 1) трансформации исходной общности; 2) возвратные или попятные движения; 3) движение в тупик. В терминах специальной теории развития эти сдвиги выражаются в *растущем разнообразии* феноменов развития стран Востока и Юга, в первую очередь, за счет активизации ОРС как субъекта, утверждающего или вырабатывающего свой исторический проект и свою культурную идентичность.

Трансформация дуалистического генотипа означает выработку монистического генотипа и, соответственно, становление системного, структурированного и автономного образования. Такое движение есть движение *по восходящей линии* или по линии прогресса. *Возвратные движения* означают сдвиг к колониальному и даже доколониальному состоянию, а движение *к тупиковой ситуации* отмечается при глубоких противоречиях между тенденцией к субъектности и сохранением/усилением старых структурных параметров ОРС (конгломеративность, периферийность), что грозит превращением развития в свою противоположность⁵. Наряду с разворачиванием основных форм развития возрастает разнообразие их разновидностей (*diversity of the differences*): например, в русле восходящего развития можно различить динамику, при которой субъектность вырабатывается на базе традиционных культурно-исторических принципов без соответствующих им структур, а также движение, при котором субъектность базируется на симбиозе традиционных и современных ценностей развития. В обоих этих случаях восходящего движения развитие становится приоритетной ценностью, но лишенной абсолютного значения. Наряду с этими основными формами развития и их вариантами рождаются *превращенные формы* – "якобы восходящего движения" и "якобы возврата".

Баланс возрастающего разнообразия и – что несколько иное – усложнение⁶ феноменов развития данной группы незападных стран задаются не только внутренней логикой развития ОРС, но и действием нескольких условно-контекстуальных факторов,

⁵ Логически движение в тупик можно понять как следствие возвратного движения, хотя возможны и "тупик" без "возврата" даже при восходящем движении (опыт советского реального социализма), и "возврат", не ведущий в тупик (см. явление инверсии [Проблема... 1997]).

⁶ Усложнение – помимо всего прочего – необходимо предполагает (по Э. Морену) активизацию индивида (как агента развития) и его персонализацию или, иными словами, преобразование индивида (носителя социальной роли) в личность. Эта общая проблема [Человек... 2002] требует специальной проработки применительно к индивиду/личности ОРС.

в том числе порожденных процессом глобализации (о чем см. ниже), через которые осуществляется отбор логически равновозможных вариантов развития. Обе эти группы динамических изменений (по логике ОРС и под воздействием "контекста") в нынешнем развивающемся мире все чаще разворачиваются в безвекторные – хаотические, турбулентные движения. В этих безвекторных динамиках проявляется негативная сторона развития как сотворения нового – его разрушительные и даже катастрофические потенции. Но возрастающая значимость такого рода движений (учитывая ту роль, которая отводится им в современной концепции самоорганизующейся универсальной эволюции [Степин, Кузнецова, 1994]) заставляет включать и их в ареал понятия "развитие".

Анализ всех форм развития постОРС требует обращения к мировому, глобальному и планетарному контекстам. К ним относятся: восстановление исторической преемственности и, специально, "традиции развития"; глобализация в ее современной информационно-компьютерной версии; экологизация человеческого бытия; становление миросистемной целостности человечества; ноосферизация. Воздействие этих пяти факторов на данный объект ощущалось и в эпоху "третьемирского" бытия ОРС, но стало особенно значительным с историческим исчерпанием этого мирообразования. Оно столь значимо, что потребует в будущем выхода за пределы специальной (частной) теории развития (и ее нового объекта в виде постОРС) и возвращения к общей теории развития, уже с учетом опыта анализа ОРС.

Развивающийся мир и Традиция

С распадом дуалистического генотипа ОРС встает проблема возрождения или возвращения к *историческим традициям*, этой важной составляющей идентичности субъекта целеполагания и мыследеятельности. Если речь идет об идентичности культурной или, шире, цивилизационной⁷, то вопрос более или менее ясен; однако речь, кроме того, идет также и об ином – о *развитии* как культурной и исторической *традиции* и, соответственно, о проблеме ее преемственности и разрыва. Выделяя такую, я должен подчеркнуть несоответствие идей и понятий "истории" и "развития"⁸ так же, как и "истории" и "культуры"; последнее особенно важно, учитывая современную роль культурного сознания и распространенную подмену истории культурой. Помимо этого остается абсолютно не ясно, о какой исторической "традиции развития" можно говорить: то ли о традиции так называемого азиатского способа производства, то ли о традициях великих цивилизаций Востока, то ли о "традиции развития" типологического порядка как свойстве цивилизаций восточного типа? Ответ затруднителен и в связи с тем, что не выявлено соотношение генотипа ОРС и "Востока" как всемирно-исторического явления с его специфическими культурными архетипом и генотипом. Если предположить наличие некоей особой "традиции развития", сложившейся на доколониальном Востоке и закрепленной в колониальную эпоху (скажем, по принципу аддитивности), то возникает не менее сложная проблема преемственности этой – гипотетической – традиции, ее устойчивости и модификации в постОРС, наконец, проблема возможности ее возрождения.

Возникает и вопрос: как связана эта "традиция развития" с субъектностью ОРС, ее деятельностью как субъекта⁹, стремящегося реализовать свой исторический проект? Или иначе: есть ли здесь субъект истории, тем паче "своей" истории? И, далее, насколько "своя" история возможна в современном мире, в русле общечеловеческой ис-

⁷ Рассматривая культуру в ее особой, цивилизационно-конституирующей ипостаси наряду с социумом, этой другой конституантой цивилизации [Рашковский, Хорос, 2002].

⁸ Коль скоро понятие "развития" во всех его категориях и смыслах выражает лишь (!) динамику истории (да и то неполно, так как оно оставляет в стороне процесс воспроизводства структуры истории).

⁹ Разделяя субъектность как свойство человека или даже способ его бытия (Г. Батищев) и ее носителя.

тории, становящейся все более взаимосвязанной и взаимообусловленной и взаимовстроенной¹⁰? Возможно, что вклад развивающегося мира в такую историю есть вклад растущего много- и разнообразия идентичностей и их субъектов (развития, культуры, истории). При всех этих открытых вопросах можно полагать, что мы имеем дело с возрождением *культурных* традиций и лишь в этой мере (!) с возрождением представлений об *историческом развитии*, хотя последнее вряд ли было сколь-либо приоритетной ценностью в доколониальных культурах, да и в колониальный период. Если в этом случае и можно говорить о попятном движении, то таковое проявляется в социокультурном плане, а не в плане социоструктурном.

Очевидно, что и смысл попятного движения в этом случае остается открытым и скорее может быть понят как феномен инверсии, то есть не отклонения от закономерностей, но (в наших терминах) как проявление конфликтности между социокультурным параметром (субъектность) и его же структурной заданностью¹¹. Не только более сложным, но и проблематичным выглядит возвратное движение (в частности, в случае Юга), при котором речь идет об активизации этно-родо-общинно-племенного сознания, в котором можно увидеть явные признаки сознания докультурного, доисторического, а, значит, и предполагать архетипическое бытие развития. В этих случаях складывается ситуация *неразвития*, или развития более как потребности, нежели способности, или как *потенциальной способности*. Если возврат к традиции великих цивилизаций несет в себе сохранение традиции развития и, соответственно, историкокультурной преемственности, то возврат к архетипу означает не тупиковое состояние, но состояние исходное, базовое, выявляющее... *неизменность развития* как способности/потребности или – иными словами – архетипичность этого "качества" человека¹².

Развивающийся мир, глобализация и экологизация

Если возвратное движение осмысливается с трудом в силу неясности представлений об исторической "традиции развития", то воздействие глобализации для развития нашего объекта выглядит не столько неясным, сколько глубоко противоречивым. Эта противоречивость проистекает не только из столкновения различных идеолого-мировоззренческих дискурсов, сколько из двойственной природы самой глобализации, которая предстает как совокупность процессов и соединяющих, и разделяющих человечество, динамик конвергирующих и дивергирующих, несущих отпечаток универсальности и специфичности свойств участников этого процесса [Глобалистика, 2003, с. 24].

Поэтому глобализация, с одной стороны, стимулирует восходящее развитие, а с другой – поощряет возвратное движение (в самых различных его видах), а также движения тупиковые, инверсионные, лишаящие развитие его исторически выработанных форм и отбрасывающие его к архетипическому состоянию. Глобализация несет с собой различные варианты восходящего движения: 1) те, что близки западному опыту, 2) те, что основаны на органическом соединении традиционных и современных представлений о развитии (и, соответственно, о развитии как высшей ценности); 3) те, что реализуются через симбиоз и смешение разнородных принципов, среди которых остается место и для различных гибридных феноменов развития (метиссажа, кентавризма); 4) те, что опираются преимущественно не на диахронное и циклическое, а на синхронное время, втягивающее эти страны в прогресс (по выражению Н. Винера). Говоря коротко, глобализация или (?) глобальное измерение императивов развития, резко *расширяя набор* возможных перспектив незападных стран, в той же мере, в си-

¹⁰ См. в связи с этим о глобальной (Big History) и универсальной истории [Цивилизации, 2002].

¹¹ Что соответствует некоторым толкованиям (И. Следзевский, И. Ионов) этого понятия [Проблема... 1997, с. 12–13, 124–125].

¹² Что и демонстрирует фундаменталистское сознание во всех его проявлениях ("корни" и "почва" и т.д.).

лу жесткой конкуренции – *сужает поле* если не естественного отбора, то сознательного выбора приоритетных видов развития.

Я оставляю в стороне роль ценностей постмодернизации (необходимого спутника глобализации), которые в определенной мере стимулируют выработку плюрализма совместимостей. Замечу, что нынешние постмодернисты – вопреки своим классикам, провозгласившим "смерть субъекта" и замену его неким полем безличных борющихся сил, все же признают роль субъекта (в том числе, культурно-исторического) на путях общения и особенно – через обращение к Другому, со-человеку [Старостин, 2000, с. 92]. Создавая скелет, но не качественную природу *мироцелостности*¹³, глобализация вписывает разные типы и виды развития стран Юга и Востока в контекст то ли мирового общества, то ли новой информационной цивилизации¹⁴. Именно в таком русле глобализация стимулирует выработку в ряде сегментов постОРС нового генотипа – не монистического, но плюралистического, представляющего не как эклектика, но как плюрализм совместимостей.

На этой основе появляется новая траектория восходящей линии в ходе трансформации развивающегося мира, которую можно видеть в некоторых странах Юго-Восточной Азии (Малайзия, Сингапур). В русле такой становящейся цивилизации решающим моментом для выработки новых форм развития¹⁵ выступает способность субъекта (субъектов) развивающегося мира (точнее – постОРС) к созданию нового знания, в том числе и в первую очередь научного знания. Растущий спрос современной науки на традиционное восточное знание открывает возможности для различных видов восходящего движения в этом направлении, так же, как и для движений если не возвратных, то инверсионных.

Воздействие *экологизации* ужесточает конкуренцию видов и форм развития, ограничивает их выбор, поощряет применение тех из них, которые не разрушают природную среду, а нацелены на поддержание природного баланса. В разновидностях концепции "устойчивого развития", подчеркивающих производительность этой "устойчивости" от неких инвариантных структур, обозначаются возможности поиска подобных структур именно в исторической традиции развития¹⁶.

Противоречия, присущие разным формам развития, могут привести не только к разрушению среды обитания, но и к экологической катастрофе. Тем самым проявляется историческая *предельность* развития, что сопоставимо с проявлением неразвитого в развитии, то есть архетипического, глубинного (*deeping*) начала. В онтологическом и когнитивном планах складывается симметричная ситуация, при которой развитие выглядит и осознается как *двойко предельное*: и по логике своего развертывания в историю и культуру, и в ходе обнаружения (в том же движении) своего архетипа. Говоря по-иному: развитие предстает предельным и в своем бытии, и в своем небытии, и как развитие, и как неразвитие. Именно эта ситуация не только "оправдывает", но и требует настоятельно пересмотра великой и, как казалось в XIX–XX вв., вечной идеи Развития как прогресса. Эта ситуация преодолевается в ходе ноосферного развития, когда коллективный разум человечества становится важнейшим фактором эволюции биосферы. Экологизация развития означает и нечто большее, а именно – осознание обусловленности развития как творчества качественно новых форм бытия и сознания, задаваемого родовой природой человечества и человека.

¹³ Что определяется, на мой взгляд, более общими закономерностями универсальной эволюции, нежели глобализация.

¹⁴ Принципы иерархического построения которых, вопреки идеям наших неотъермондистов – А. Панарина, Б. Ерасова, кажется проблематичным.

¹⁵ Ее понимание как "расколотой" (В. Иноземцев) не снимает, на мой взгляд, возможности рождения таких форм.

¹⁶ См. также работы отечественной школы социоестественной истории (Э. Кульпин, В. Пантин) и гипотезу техно-гуманитарного баланса как результата преодоления антропогенных кризисов (А. Назаретян).

На этой почве и встречаются представленные мною в двух последовательных статьях общая и специальная теории развития: если первая обращалась к развитию как особой потребности/способности человека *вообще*, то вторая должна была бы анализировать подобное качество человека из "Третьего мира" (ОПС) или из стран "Востока" и "Юга" (возрождающихся? сохраняющихся?). Однако в специальной ("третьемировской" и востоковедческой) теории представления о подобных типах человека далеко не разработаны, и поэтому проблематика развития в области специальной теории необходимо опирается на те сдвиги, которые происходят в общей теории и в современном научном познании.

В последнее время общая теория развития делает заметные шаги, если не в сторону поисков типов человека, необходимых для предлагаемой специальной теории, то в направлении от человека вообще – к человеку в его личностном и персональном бытии. Такое движение означает, что общее представление о развитии передвигается в сферу наук о человеке, тяготея при этом к философской антропологии. Связь с последней намечена в моей схеме развития как идеального объекта [Чешков, 2004]; что же касается наук о человеке, то обращение к ним для анализа данной проблематики затруднено в силу того, что этот комплекс ныне находится в глубокой перестройке, ориентируясь на поиск некоего нового синтеза или так называемой "гуманологии". Общая познавательная ситуация в этой области знания выражается словами М. Эпштейна: "Нужна новая идея развития человека" (цит. по [Смирнов, 2003, с. 93]).

Такая идея "должна" быть глобальной, то есть охватывать развитие личности, общества, многих различных совокупностей людей (Е. Рашковский называет это "со-развитием"). Она универсальна, то есть коренится в природе человека как существа мыслящего, коммуникативного и конституируется человеческой свободой. Понимая полезность поисков в данном направлении, я не вполне согласен с Рашковским в том, что при их помощи можно выразить "*глубинный ход самих процессов бытия*" (курсив мой. – М.Ч.) [Рашковский, 2003, с. 17]. Именно на этот уровень я и пытался выйти, различая движущую силу и результаты развития.

Статус наук о развитии (гипотеза)

Поэтому, оставив в стороне эту сферу знания, задамся вопросом: правомерно ли говорить об особой "науке развития" или – по аналогии с человекознанием – науками о развитии? Или же знание о развитии есть лишь часть исторического знания, его важнейший компонент – учение о созидании человеком качественно новых форм его бытия, сознания, жизнедеятельности, тем паче – в моей версии, где понятие "развитие" по существу имеет предметом динамику истории? Последнее предположение приходится отвергнуть, поскольку знание о развитии вырабатывается в самых различных дисциплинах, что сближает этот комплекс с так называемыми "меганауками" (по А. Крушанову). Однако сходство теории развития с науками этого нового класса [Современная... 2001, с. 35–36] тоже натянуто, коль скоро они, кажется, не имеют своих субстанциональных содержательных предметов и выполняют, на мой взгляд, скорее методологические функции. В силу этих соображений надо признать, что научное знание о развитии может образовать особую междисциплинарную область научного знания, которая необходимо включает и наддисциплинарный, методологический по функции "сегмент", и ряд частных дисциплин, интегрированных такой методологией. Данная междисциплинарная область схожа с теоэкономикой [Кочетов, 2001], но отличается от нее тем, что в последней недостаточно артикулирован наддисциплинарный "сектор".

Попробую далее уточнить, о чем идет речь: о науке о развитии или о науках о развитии? Замечу, что подобный же вопрос может быть адресован и к антропологии как науке или наукам о человеке. Там он ныне решается, видимо, в пользу множественности [Как возможна... 2004, с. 54–59]. В нашем случае ответ на подобный вопрос проистекает из того понимания идеи развития, которое совмещает представления о множественном и единичном. Если верен тезис о множественности образов развития, то и

комплекс соответствующего ему научного знания в принципе множественен, ибо мы в реальности имеем дело с множественностью миров [Копылов, 1998, с. 5]. Однако такая расшифровка понятия "развитие" все же выглядит упрощенной: отвергнув это понятие в его однозначной, редукционистской версии (в том числе, и в смягченном виде, когда признается некая единственная "сущность" развития, имеющая множество проявлений), мы не только признаем плюрализм (множественность) сущностей, выражаемых этим понятием, но и единичность этого понятия, ибо соотносим эти многие сущности друг с другом в рамках общей концепции, приобретающей тем самым значение методологической "рамки"¹⁷. Замечу, что построение схемы соподчиненности многих сущностей развития как некоей системной множественности, а не множественной системы¹⁸ становится насущной потребностью теории. Не вступая на эту обширную и почти неизвестную территорию, подчеркну, что если речь идет об иерархической организации знания, то таковая не строится как *a priori* данная (например, при соотношении категорий типов и форм развития): перспективно и качественно иное – сетевое – построение категориального аппарата теории развития.

Возникновение подобных междисциплинарных комплексных областей знания как наук(и) о развитии или наук(и) о человеке отражают в весьма сложной форме соотношение двух процессов в ходе генерирования научного знания. Одна из них – тенденция к дифференциации – видна при смене прежнего – классического, однозначного толкования развития – пониманием плюралистическим (тенденция к дифференциации); другая проявляется в стремлении восстановить целостность научного знания путем выработки некоей рамочной концепции, включающей различные, в том числе разнодисциплинарные применения корневого понятия (тенденция к интеграции). В гипотетической науке о развитии вторая тенденция лишь намечается, но и сейчас видно, что предлагаемая плюралистическая концепция позволяет не только преодолеть вечную болезнь редукционизма, но и объединить теоретически и дисциплинарно различные толкования этого понятия. Намечаемое интегральное видение развития не исключает возможности операционализировать и квантифицировать его различные значения. В предложенной концепции (особенно применительно, скажем, к такому объекту, как развивающийся мир) сохраняются и операциональные и квантифицируемые представления о развитии, которые в этой же схеме только (!) релятивизируются, то есть лишаются своего абсолютизирующего смысла, который им придали философско-мировоззренческие установки (будь то в концепциях модернизации или в их антиподах).

Например, в рамках данной схемы вряд ли можно утверждать, что показатели уровня образования, длительности жизни, соотношения городского и сельского населения, промышленности и сельского хозяйства и т.д. достаточно полно характеризуют реальность развития, так же как и данные о внешнеторговых партнерах, доле иностранного капитала и пр. отражают реальность его антитезы – отсталости. Иными словами, утверждать, судя по этим показателям, о том, что общество прогрессирует (или "отстает") можно лишь с поправкой на иные срезы, смыслы и толкования идеи развития. Такие "поправки" требуются не только для развивающегося, но и для развитого мира и кажутся вполне применимыми к опыту советского реального социализма. Выводы, сделанные на прикладном уровне, требуют "поправок" с учетом и тех различных смыслов развития, где это понятие в принципе не квантифицируемо, и тех, которые выходят за пределы собственно научного знания.

В последнем случае встает вопрос о том, насколько продуктивно научное знание, если оно не дополняется или, точнее, не коррелируется сознанием не- и вненаучным. Речь идет о знании как философском и теологическом¹⁹, так и образном и обыденном

¹⁷ Соответственно этим размышлениям правомерны оба термина – "наука о развитии" и "науки о развитии", и, следовательно, та версия антропологии, где наддисциплинарный сектор (и общая) теория – необходимы и не исключают множества конкретных дисциплин.

¹⁸ Точнее говорить о целом, необязательно системном.

¹⁹ В трактовке проблемы "прогресс в истории" [Киселев, 2004, с. 92–93].

(практическом). Образное мышление уже плотно включено в ткань научного познания, в котором метафоры обретают силу категории и возникают образования, определяемые как мыслеобраз и(или) смыслообраз (типа "время–стрела"). Что же касается знания философского, то научное знание не только все более осваивает свои философские основания или необходимые составляющие, но и имеет тенденции "онаучивать" знание философское (по Н. Моисееву) или порождать философско-научные гибриды, что хорошо иллюстрируют метаморфозы понятия "развитие" и опыт анализа феноменов глобализации [Глобалистика, 2003]. Диалог всех этих видов знания неизбежно подводит к выводу о становлении совокупного знания [Азроянц, 2003], в структуре которого понимание места знания собственно научного остается, на мой взгляд, весьма проблематичным...

Оставляя этот вопрос открытым, подойду к нему со стороны собственно совокупного знания, которое есть, по существу, и знание тотальное – и само по себе (теория всего), и по своему предмету/объекту (знание обо всем). Анализируя этот познавательный феномен как новую историческую фазу в эволюции различных форм познания, я должен обратиться к одной из новых универсалий, идее Целого и, шире – Универсума, осваиваемой (по Э. Ласло) как в своих наблюдаемых, так и ненаблюдаемых параметрах научными и метафизическими средствами [Laslo, s.d.]. В понимании такого объекта велика опасность представить Целое как нерасчлененную тотальность, лишennую и мерности, и различий. Подобный взгляд препятствует становлению отдельных – и старых, и новых – комплексов научного знания, в том числе и глобалистики, которая, едва родившись, или, вернее, даже еще "не став", уже претендует на статус теории, раскрывающей самые общие законы развития человечества, на статус всеобщей теории и теории обо всем. Аналогичную, хотя пока слабее выраженную, тенденцию можно увидеть и в версии идеи развития, представленной в данной и предыдущей статьях, которая стремится к концептуальной полноте и может представить ся некоторым претендующей на всеохватность и многозначность.

Эту – "тотализирующую" тенденцию современной научной мысли можно смягчить, приняв установку: "Мир – один, но не един", или – несколько по-другому – "Мир – унитарен (*unitaire*), но не униформен (*uniform*)". Такая установка пока далека от того, чтобы стать отправным методологическим нормативом и(или) регулятором научного знания²⁰, но еще важнее другое: она звучит не в лад современному массовому сознанию, которое видит мир через призму тотализации и демонизации. Хватит ли науке сил противостоять этому мировидению с его антисциентизмом и мифотворчеством, тем более, что сама наука демонстрирует такую же тотализацию, стремясь все превратить в свой предмет и стать эквивалентом совокупного знания? Наука сможет смягчить эту свою болезнь и подобную же болезнь массового сознания, если отразит границы своих возможностей, сформирует представление о том, что она не может или даже не должна знать; иными словами, осознает как свое незнание, так и те новые возможности, которые открываются перед ней в диалогах с не/вне наукой, что и даст науке адекватный статус в совокупном знании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азроянц Э. Что есть глобалистика // Науковедение. 2003. № 3.
Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.
Как возможна единая наука о человеке? (Материалы семинара) // Человек. 2004. № 1.
Киселев Г. Статья человеком. Сознание постмодерна. М., 2004.
Копылов Г. Локализация инженерных миров // НГ-Наука. IX. 1998. № 8.
Кочетов Э. Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание. М., 2001.
На скрещении мировых и локальных закономерностей: Россия, Китай и Республика Корея. М., 1996.

²⁰ Я пытаюсь ввести ее в концепцию развития.

- Проблема социокультурной инверсии. Саратов, 1997.
- Развивающиеся страны и Россия. Исторические судьбы и перспективы взаимодействия. М., 2001.
- Рашковский Е.* Религиозная сфера и интеллектуальные ресурсы человеческого развития // Клуб ученых “Глобальный мир”. Вып. 1. М., 2001.
- Рашковский Е., Хорос В.* Мировые цивилизации и современность (методология анализа) // Восток–Запад–Россия. М., 2002.
- Смирнов С.* Современная антропология // Человек. 2003. № 5.
- Современная картина мира. Формирование новой парадигмы. Вып. 2. М., 2001.
- Старостин Б.* Ценности и ценностный мир. М., 2000.
- Степин В., Кузнецова Л.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.
- Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобальной истории. М., 2002.
- Человек как субъект культуры. М., 2002.
- Чешков М.А.* Осмысливая развивающийся мир // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4, 5.
- Чешков М.А.* Идея развития: необходимость и возможность реинтерпретации // Общественные науки и современность. 2004. № 5.
- Laslo E.* The Creative Advance and Global Society. Notes Towards a Process Metaphysics of Societal Evolution (s.l.s.d.).

© М. Чешков, 2004